

ЛОГИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РАМКАХ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СИМВОЛИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА*

Д. А. Шукин

Статья посвящена проблеме определения значения иерархии в структуре символического контекста и анализу логики смещения принципа ответственности в сфере intersubjectных отношений. Властные парадоксы с успехом разрешаются при помощи апелляции к более высоким символическим уровням дискурсивной системы, однако попытка избежать обращения к нередуцированному основанию нормативного поля оказывается неэффективной, что доказывает значение морального аргумента в международном праве.

Иерархическая модель символического контекста предполагает, что на уровне социальной практики существует различие в масштабе и универсализированности дискурсивных актов. Несмотря на дискретность символического поля, оно обретает связанность в сознании субъекта и структурируется в соответствии с определенной иерархией условий, последствий и причинно-следственных связей. Разрешение аксиологических или логических конфликтов, связанных с многомерностью дискурсов, с необходимостью предполагает обращение к высшей инстанции. Субъект интенционально связан (как минимум, желанием) с Большим Другим, с которого не сводит свой взгляд, даже если сам не осознает факт этой перманентной слежки. Однако обобщенный характер присутствия воли этого «даймона», найденного в Абсолюте, Логосе, Природе, Разуме, в своей первичной форме слишком раздроблен для того, чтобы быть актуально полезным для решения

* В рамках гранта «Институализация нравственных регулятивов в профессиональных и прикладных этиках» (этико-философский анализ) (12-03-00505) РФНФ.

задач, решения которых предстают в качестве равнозначных альтернатив. Ключевой вопрос заключается в том, возможно ли при решении дилемм и парадоксов избежать обращения к конечному нередуцируемому трансцендентальному (или трансцендентному) основанию.

Присутствие соподчиненных ориентиров оказывается эффективным в случае необходимости стремительного решения дилемм. В этой ситуации цепь аргументации может быть заменена обращением к более высокой с точки зрения иерархии символического контекста структуре. В частности, стереотипизация, которую называют одной из болезней современных социальных систем, как метаобразование является незаменимой особенностью работы индивидуальной психики и, как следствие, групповой динамики¹. Стереотип – это функциональная единица редукции смысла системы, выработанная для мобилизации подсистемы.

Взаимоотношение уровней символического контекста успешно иллюстрирует фукианская логика функционирования эпистем и фундаментальная дискурсивная парадигма². В то же время, с точки зрения этического развертывания, проблема наилучшим образом представлена в рамках структуры нормативных отношений индивидуальных и групповых субъектов различного масштаба.

Нормативная природа международных отношений, анализируемая лишь в терминах правовой регуляции, теряет ту многомерность, которую гарантирует ей связь с рассматриваемыми в герменевтическом ключе смежными символическими системами – политикой, этикой и моралью. Реализуемое вслед за Полем Рикером³ выделение этих систем в качестве автономных, безусловно, носит диагностический характер, помогая определить позицию индивидуального субъекта в глобальном пространстве установок, норм, ценностей и ин-

¹ См.: Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

² См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994; Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

³ См.: Рикёр П. Мораль, этика, политика // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). М., 1995.

тенций. Важным представляется вопрос о применимости введенного французским исследователем различения в случае дополнения универсальной дихотомии «индивидуальный субъект–власть» уровнем, описываемым с позиции взаимоотношения властных агентов, субъектов международных отношений. В свою очередь, подобная реструктуризация модели позволяет дополнить ее и расширить границы аналитического поля, выведя модель за пределы локального дискурсивного пространства, то есть рамок отдельного социального тела.

Триада «политика–этика–мораль» помогает ответить на вопрос о принципах существования *l'homme capable* (человека могущего), своей природой поддерживающего устойчивость нестабильной, ввиду собственных парадоксов, власти. Принципиально важно, однако, что мораль (термин, употребляемый по отношению к сфере долженствования и являющийся контекстуальной «тенью этики, реализующей стремление к благой жизни»), на наш взгляд, находится в специфическом соотношении с правовой системой, напоминая описанную Рикером взаимозависимость этики и политики.

Обнаружение жесткой связки между политикой и этикой отнюдь не случайно. Политика выполняет телеологическую функцию в отношении этических целей: «Связь политики с этикой благой жизни подтвердилась бы, если бы удалось доказать, что человек определяется главным образом своими способностями, которые достигают полной реализации только в условиях политического существования, иначе говоря, в условиях общественного состояния (*une cite*)»⁴.

Собственно проблема дисбаланса системы государственной власти решается именно на уровне реализовавшего свои политические способности автономного морального субъекта, который позволяет использовать предельный моральный аргумент тогда, когда рационализация не в силах справиться с парадоксами существования государственной власти. В случае, если альтернативы одинаково неэффективны или предполагают получение равной символической выгоды, гибкость правовой сферы ставится под сомнение и актуализация

⁴ Там же. С. 39.

связки «этика–мораль» обеспечивает системе необходимый люфт и интенциональный заряд, необходимый для того, чтобы избежать превращения системы в *asinus buridani*.

Власть зачастую не может реализовывать объективную этическую оценку, а независимое моральное суждение относительно системы государственной власти, ввиду властного давления, оказывается невозможным. Неспособность государства к подобному оцениванию связана с тем, что «оно само в качестве власти является благом, зависящим от понимания и согласия между членами политического сообщества»⁵. Возникающие парадоксы, таким образом, обладают двойным смыслом. Во-первых, они играют негативную роль, затормаживая работу системы, и затрачивают ее время и потенциал на реализацию дополнительных аналитических процедур. Во-вторых, это торможение оказывается спасительным, так как помогает избежать сверхэтического статуса Государства как власти.

Подобная аналитическая позиция актуализирует три ключевых парадокса власти:

- «конфликт между формой и силой» власти («Наиболее рациональная форма государственного устройства – правовое Государство – хранит следы насилия, совершаемого теми, кого Гегель называл великими людьми всемирной истории»⁶),
- «соотношение между вертикальным и иерархическим измерением господства и горизонтальным и всеми подерживаемым измерением желанья жить вместе»⁷ (сообщество представляет собой систему, в которой потенциальное равенство политических возможностей и единство уникальным образом дополняется системой управления, в которой это равенство и единство нарушается, ставя под сомнение изначальный холизм),
- столкновение власти, являющейся одной из сфер среди прочих сфер, и власти как регулирующей инстанции, призванной препятствовать нарушению прав какой-либо из этих сфер со стороны другой сферы.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Там же. С. 52–53.

⁷ Там же. С. 54.

Создавать политику способен отдельный индивид, который превращается в актора политической жизни только в случае, если является этическим субъектом. Человек могущий реализует свое становление с помощью акта учреждения повествовательной идентичности, которая позволяет жизни обрести единство, быть рассказанной и помогает ответить на вопрос «Кто несет ответственность за данный проступок или причиненный ущерб?». Именно момент повествования предоставляет субъекту формальное право на реализацию собственной свободы, которая, пусть и вписана в дискурс, но может создать иллюзию его преодоления. Иллюзия же, в свою очередь, обретая «плоть», способна учреждать новые дискурсивные акты.

Человек могущий обретает свободу в силу своей способности к деятельности по производству нарративов. Эта свобода необходима системе, устойчивость которой ставится Рикером под естественное сомнение. С точки зрения синергетической парадигмы, точка бифуркации системы – точка проявления этической интенции и воли автономного морального субъекта. Автономный моральный субъект превосходит собой и значительно отличается от случайного, обладающего индивидуальным сознанием субъекта действия. Речь идет о лишенном непосредственных релятивных предикатов моральном субъекте как псевдорационализированном (так как сам статус нередуцируемого основания – не более чем эксплуатируемый концепт определенного дискурса) эталоне. Следование символическим артефактам есть своего рода стереотипизация, своеобразное проявление конформизма мысли, коллективных представлений, символических форм господствующего дискурса. Люфт и уникальность сочетания механизмов интерпретации могут гарантировать при прочих равных условиях проявление индивидуальных реакций, однако индивидуальность этих реакций весьма условна. В большинстве случаев мы имеем дело с ситуацией, когда «прочие равные» отсутствуют, а индивид находится под интенсивным идеологическим гнетом и его логическим истоком – господствующем дискурсом.

Здесь можно обнаружить известное противоречие между властью дискурса и свободой субъекта, решение которого пытаются отыскать конструктивисты. С одной стороны, дискурс представляет собой последствие работы символических ме-

ханизмов давления, устанавливающих систему социального/этического со-бытия. С другой стороны, он проявляет себя в интересубъективном взаимодействии, в рамках которого должна существовать и возможность индивидуального «прорыва», свершение момента творчества, не ограниченного лишь сферой искусства. Текстуальная природа дискурса, доступная анализу благодаря феномену повествования, неразрывно связана с понятием интерпретации: интересубъективное взаимодействие символически осуществляется с помощью процесса интерпретации, который, в свою очередь, продиктован особенностями дискурсивного пространства. Ситуация интерпретации, способность синтезировать смыслы может заставить любое слово быть элементом метаязыка. Существование мифов, понимаемых в широком смысле как вторичные семиотические системы, превращает язык из средства исключительно механической коммуникации в культурное образование, требующее для интерпретации не только знания знаков, но и определенного социально-культурного контекста.

Переход от понимания к знанию привел к тотальному кризису систем символов, который в результате инерционного развития демонтирует и реконструирует на новых основаниях все существующие смысловые структуры. Миф сохраняется, но все более как десакрализованное явление. Изначально принадлежавшие политическому пространству буржуазные мифы – мифы пустые, вытесняющие другие символические конструкторы. В современном обществе миф есть деполитизированное слово, если понимать политику в ее идеально-этическом виде. Вместе с тем, диагностированная десакрализация, деполитизация, демифологизация – не апокалиптическое предзнаменование, но циклический процесс, актуализирующий интерпретативный потенциал социума: «Мифологизируя символ, традиция исчерпывает себя; возрождается же она благодаря интерпретации, которая вновь поднимается к истокам от времени исчерпанного ко времени скрытому, то есть в соотношении мифологии с символом и его смысловыми резервами»⁸. Интенсивность мифа передается интерпретативным практикам, являющимся заложником ми-

⁸ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008. С. 70.

фологической традиции, но в то же время обновляющим ее. Структура дискурса, проявляясь в мифологических конструкциях, в свою очередь обращающихся к архетипическим основаниям, довлеет над интерпретацией, но проявляется в ней.

Таким образом, изначальное представление о статике морального субъекта, логично вытекающее из его статуса, иллюзорно. Именно его динамика, импульсивный характер и связь с социальной мифологией позволяют функционировать в качестве балансира. В противном случае субъект лишь экстериоризируется в качестве очередного набора норм, также лишенных искомого иммунитета к парадоксам.

Этико-юридический аспект определяется Рикером в организованном единстве, так как при анализе двухуровневой системы взаимоотношений (индивидуальный субъект – локальная власть) границы права совпадают с границами политического тела. Для исследователя представляется возможным, но не необходимым выделение права в качестве отдельной синхронной символической системы.

Так же, как этика представляет глубинный уровень моральной жизни, политика, включающая в себя набор идеально-типических конструкций, осуществляет концептуальную поддержку правовой сферы. Выделение права в качестве еще одного контекстуального элемента, подспудно присутствовавшего в концепции Рикера, однако не столь четко артикулированного, актуально именно в случае расширения границ анализа и включения в него всей совокупности международных отношений.

Если в рамках локального сообщества правовая и политическая система слиты воедино, а герметическая (с естественнонаучной точки зрения) трактовка не позволяет подняться на уровень правовых универсалий, формируемых международным правом, то в случае изменения масштабов рассмотрения проблемы мы сталкиваемся с дискурсивной коллизией, когда локальная символическая система (власть/язык/дискурс) вступает в противоречие со своим функциональным двойником, существующим на глобальном уровне.

Собственно международное право ставит перед собой целью заменить субъекта могущего, символизирующего искомое трансцендентальное основание. Действительно, в большинстве случаев перенос ответственности с оценивающего морального субъекта

екта на обобщенного субъекта международного права приводит к трансформации описанных выше парадоксов власти. В рамках международного права эти парадоксы могут рассматриваться сквозь призму ситуаций-событий, носящих, между тем, как сказал бы Карл Шмитт⁹, принципиально внеправовой характер и ставящих под сомнение саму логику господствующих норм:

- война, попытки юридической систематизации которой по сути своей обречены на провал, так как от исхода войны зависит система ее правовой оценки,
- революция или действия гражданина против своего собственного государства, закрепленные, к примеру, в некоторых положениях Нюрнбергского трибунала и отсылающие к столь детально разобранному еще в «Левиафане»¹⁰ вопросу о праве подданных на смену суверена,
- чрезвычайное положение, блистательно описанное Агамбеном как крах установленного правового порядка (при этом юридическая фиксация подобной возможности приобретает характер нонсенса) и своеобразная агрессия власти, оценка которой с помощью внутренних инструментов господствующей в сообществе системы невозможна¹¹.

Решение парадоксов власти на локальном уровне находится в ведении могущего субъекта, который компенсирует политическое бессилие своими этическими способностями. При решении парадоксов глобального уровня со всей очевидностью проступает факт отсутствия у международного права, как и у божественного права королей, по словам Хомского, собственно «законных оснований»¹². По утверждению Карла Шмитта, Право и Сила обладают принципиально различными языками и сознаниями, их взаимодействие ограничено лишь отдельными темами, таки-

⁹ См.: Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.

¹⁰ См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001.

¹¹ См.: Агамбен Дж. Ното Sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011.

¹² О природе человека. Справедливость против власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 128.

¹³ См.: Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus Publicum Europaeum*. СПб., 2008.

ми как тема захвата земли¹³. Понятие «справедливость» максимально удалено от большинства акций сферы международных отношений и работает лишь гипотетически. Именно поэтому в случае столкновения суверенитета и права на самоопределения или апологии «справедливой войны» бессильные юридические аргументы заменяются, пусть не этическими (уж слишком удалено универсальное правовое пространство от индивидуального стремления к благой жизни), но предполагающими собственное развертывание в качестве императивов моральными.

Наращивание дистанции между отдельным уровнем символического контекста и его нередуцируемым основанием оказывается эффективным лишь в определенных пределах. Основание иерархической пирамиды, которым является *l'homme carable*, одновременно служит и ее вершиной, однако при решении парадоксов власти движение наверх, предполагающее транспонирование ответственности и апелляцию не напрямую к трансцендентному источнику нормы, но опосредованную эксплуатацию нормативного ресурса более высокого уровня, к примеру уровня международного права, представляется куда более экономичным. Можно говорить о том, что современные системы в большей или меньшей степени организованы по принципу LIFO программного стека: последний добавленный элемент извлекается первым.

Литература

1. Агамбен Дж. Номо Сасер. Чрезвычайное положение, М., 2011.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001.
3. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.
4. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). М., 1995.
5. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
7. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
9. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus Publicum Europaeum*. СПб., 2008.
10. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.